

На волчьей садке

Говорят, что теперь девятнадцатое столетие. Не верьте, читатель.

В среду, шестого января, в европейском и даже в столичном городе Москве, в галереях летнего конского бега, тесно прижавшись друг к другу, теснясь и наступая друг другу на ноги, сидели люди и наслаждались зрелищем. Не только это зрелище, но даже и описание его есть анахронизм... Нам ли, нервным, слезливым фрачникам, променявшим мускул на идею, театрам, либералам *et tutti quanti*¹, описывать травлю волков?! Нам ли?!

Выходит так, что нам... Делать нечего, будем описывать.

Прежде всего, я не охотник. Я во всю жизнь мою ничего не бил. Бил разве одних блох, да и то без собак, один на один. Из всех огнестрельных орудий мне знакомы одни только маленькие оловянные пистолетики, которые я покупал своим детям к елке. Я не охотник, а посему прошу извинения, если я перевру. Врут обыкновенно все неспециалисты. Постараюсь обойти те места, где бы мне можно было похвастать незнанием охотничьих терминов; буду рассуждать так, как рассуждает публика, т.е. поверхностно и по первому впечатлению...

Первый час. Позади галереи толпятся кареты, роскошные сани и извозчики. Шум, гвалт... Экипажей так много, что приходится толпиться... В галереях конского бега, в енотах, бобрах, лисицах и барашках, заседают жеребятники, кобелятники, борзятники, перепелятники и прочие лятники, мерзнут и сгорают от нетерпения. Тут же заседают, разумеется, и дамы... Без дам нигде дело не обходится. Хорошеньких, сверх обыкновения, почему-то очень много... Дам столько же, сколько и мужчин... Они тоже сгорают от нетерпения. На верхних скамьях мелькают гимназические фуражки. И гимназисты пришли поглазеть, и они тоже сгорают от нетерпения и постукивают калошами. Любители, ценители и критиканы, приперевшие на Ходынку пехтурой и не имеющие рубля, толпятся у заборов, по колена в снегу, вытягивают шеи и тоже сгорают от нетерпения. На арене несколько возов. На возах деревянные ящики. В ящиках наслаждаются жизнью герои дня волки. Они, по всей вероятности, не сгорают от нетерпения...

Публика, пока еще не началась травля, любитесь российскими красавицами, разъезжающими по арене на хорошеньких лошадках... Самые ужасные, отчаянные охотники критикуют собачню, приготовленную для травли. У всех в руках афиши. В дамских ручках афиши и бинокли.

Самое приятное занятие-с, обращается к своему соседу старичок с ошипанной бородой, в фуражке с кокардой, по всем признакам, давным-давно уже промотавшийся дворянин. Самое приятное занятие-с... Бывало, выедешь это с

компанией... Выедешь чуть свет... И дамы тоже.

С дамами не стоит ездить, перебивает старичка сосед.

Почему ж?

А потому, что при дамах ругаться нельзя. А нешто можно на охоте не ругаться?

Невозможно. Но у нас были такие дамы, что сами ругались... Бывало, Марья Карловна, если изволите знать-с, барона Глянсера дочь... ругалась страсть как! И ты, кричит, чёрт, сатана, такой-сякой... И так далее-с... Многоточие-с... Первая гроза для нижних чинов была. Чуть что сичас нагайкой.

Мама, волки в ящиках? спрашивает гимназист в огромнейшем башлыке, обращаясь к даме с большими красными щеками.

В ящиках.

А они не могут выскочить?

Отстань! Вечно ты с вопросами... Утри нос! Спрашивай о чем-нибудь умном... Чего о глупостях спрашивать?

На арене замечается усиленное движение... Человек шесть, посвященных в таинства охоты, несут один ящик и ставят его посреди арены... В публике волнение.

Господин! Чьи собаки сейчас пойдут?

Можаровские! Мм... Нет, не можаровские, а шереметьевские!

И вовсе не шереметьевские! Борзые Можарова! Вон он, черный Можарова! Видите? Или разве шереметьевские. Да, да, да... Так, так, так... Господа, шереметьевские! Шереметьевские, можаровские вон они.

По ящику стучат молотком... Нетерпение достигает maximum'a... От ящика отходят... Один дергает за веревку, стены темницы падают, и глазам публики представляется серый волк, самое почтенное из российских животных. Волк оглядывается, встает и бежит... За ним мчатся шереметьевские собаки, за шереметьевскими бежит не по уставу можаровская собака, за можаровской собакой борзятник с кинжалом...

Не успел волк отбежать и двух сажен, как он уже мертв... Отличились и собаки и борзятник... и бравооо! кричит публика. Браааво! Браво! Зачем Можаров спустил не в очередь? Можаров, шшш!.. Бра... ввво! То же самое проделывается и с другим волком...

Раскрывается третий ящик. Волк сидит и ни с места. Перед его мордой хлопают бичом. Наконец он поднимается, как бы утомленный, разбитый, едва влача за собою задние ноги... Осматривается... Нет спасения! А ему так жить хочется! Хочется жить так же сильно, как и тем, которые сидят на галерее, слушают его скрежет зубовой и глядят на кровь. Он пробует бежать, но не тут-то было! Свечинские собаки хватают его за шерсть, борзятник вонзает кинжал в самое сердце и *vae victis!*² волк падает, унося с собою в могилу

плохое мнение о человеке... Не шутя, осрамился человек перед волками, затеяв эту quasi-охоту!.. Другое дело охота в степи, в лесу, где людскую кровожадность можно слегка извинить возможностью равной борьбы, где волк может защищаться, бежать...

Публика неистовствует, и так неистовствует, как будто бы на нее самое спустили всех собак со всего света...

Зарежьте в ящике! Хороша охота! Скверно!

Зачем же вы кричите, если вы не понимаете? Ведь вы никогда не были на охоте?

Не был.

Зачем же вы кричите? Что вы понимаете? По-вашему, значит, отдать волку собак, пусть их рвет? Так, по-вашему? Так?

Да послушайте! Какое же удовольствие видеть зарезанного волка? Собакам не дают разбежаться!

Ш-ш-ш... Фюйт!

Чьи это собаки? неистовствует барин в енотовой шубе. Мальчик, поди справься, чьи это собаки!

Лебушевские! Шереметьевские! Можаровские!

Чей кобель?..

Можарова! Славный кобель!.. Можарова!..

В ящике нарежьте!..

Публике не нравится, что волка так рано нарежали... Нужно было волка погонять по арене часа два, искушать его собачьими зубами, истоптать копытами, а потом уже нарезать... Мало того, что он уже был раз травлен, словлен и отсидел ни за что ни про что несколько недель в тюрьме.

Собаки и борзятник Стаховича берут волка живьем... Счастливого волка сажают опять в ящик. Один волк перескакивает через барьер. За ним гонятся собаки, борзятники. Сумей он вбежать в город, Москве посчастливилось бы узреть на своих улицах и переулках бесподобную травлю!..

В антрактах, полных томительного ожидания, публика хохочет и (не верите?) кричит браво: ей нравится десятикопеечная лошадка, на которой увозят опустевшие ящики с середины арены на прежнее место. Лошадка не идет, а подпрыгивает, подпрыгивает не ногами, а всем корпусом и в особенности головой. Это нравится публике, и она неистовствует.

Счастливая лошадка! Думала ли когда-нибудь она или ее родители, что ей когда-нибудь будут аплодировать?

Слышится отрывистый лай, и на сцену появляется стая гончих... Большой волк отдается им на растерзание. Гончие рвут, а борзые, которых не пускают, визжат от зависти.

Брааво! браваао! кричит публика. Браво, Николай Яковлевич!

Николай Яковлевич раскланивается пред публикой с шиком, которому позавидовал бы любой артист-бенефициант.

Подавай лисицу! кричит он в исступлении.

На средину арены выносят маленький ящик и выпускают из него хорошенькую лисичку. Лисичка бежит, бежит... за ней бегут гончие. Никто не видел, где собаки схватили лису.

Ушла лиса! кричит публика. Упустили! Ушла!

Николай Яковлевич показывается с лисицей в руке, и публика конфузится.

Чтобы собрать гончих в стаю, требуется немало людей и времени. Собаки непослушные, дисциплина плохая... Гончие не нравятся публике.

Вообще публика страшно мерзнет, но очень довольна. Дамы в восторге.

Хорошо за границей, говорит одна дамочка. Там есть бой быков, бой петухов...

Отчего у нас не введут этого, в России?

А потому, сударыня, что за границей есть быки, а у нас их не водится!..

отвечает даме старичок с кокардой.

Наконец выпускают последнего волка. Этого волка закалывают, и публика, рассуждая о том, какие собаки хороши, а какие плохи, разъезжается по домам.

В заключение вопросик: какова цель всей этой кукольной комедии? Собаками похвастаться нельзя, потому что места мало; удаль показать также негде.

Какова мораль?

Мораль самого скверного свойства. Пощекотали женские нервы и больше ничего! Сбор, впрочем, тысячный. Но не смею думать, чтобы всё это делалось для сбора. Сбором можно окупить все расходы, но нельзя окупить тех маленьких разрушений, которые, быть может, произведены этой травлей в маленькой душе вышеупомянутого гимназистика.

и всяким иным, подобным (итал.).2горе побежденным (лат.).